

*Библиотека
Анонима*

Брошюра 3

Группа «Контакт»
одесса, 2001

Оглавление

В.Леви. Исповедь Негипнотизера.....	3
Ломтик ранних воспоминаний.....	4
У врат тайны: первая любовь, первая нелюбимость.....	5
Встреча с превосходящей силой.....	9
Больной мир – воспламенение души.....	11
Говорит зомби.....	12
Учитель – как его найти.....	13
Любовь к трем ошибкам.....	17
В.Леви. О чем врет дневник.....	18
Спасибо за слабоумие.....	19
Волна я, волна.....	20
О свинстве счастья, о коже, которая слезла.....	20
Здравствуй, земля.....	21
«Печаль моя светла...».....	22
Невысказанность.....	22
Взглянув в зеркало по пути на кухню.....	23
Признаки искренности.....	24
Долой левитацию.....	24
Истины без границ взыскуя нашел повод заткнуться.....	25
По причине, указанной выше.....	26
Особенности национальной безопасности.....	27

В.Леви. Исповедь Негипнотизера

из ответов корреспонденту газеты “МН”



Ломтик ранних воспоминаний

– Верно ли, что первые детские впечатления, первые записи в памяти – решающие для развития души и характера человека? Что значат для вас ваши первые воспоминания?

Первые вспышки воспоминаний, первые тени... Безмерной значимости события в невероятном количестве происходили там, за порогом... Чувствую всем существом – за этой глухой стеною внутри меня – хранится великое, там сокровища... Но попытки проникнуть, достигнуть, вызнать – увы... Стена, мрак... жутковатый гул откуда-то ис-под...

...Да, кажется, первое, что возвращается сейчас оттуда пристальному сознанию – это некое виброзвуковое поле... Глухой гул неизвестности... Но – вот, вот... Два женских голоса: мелодично-высокий, нежно-небесный – это моя мама, она пела чудесно... и голос пониже, потвёрже, с нотками весёлой иронии – бабушкин. Они были со мной раньше всех и вошли в моё существо. Их сразу почувствовала и правильно назвала имена говорившая со мной, уже весьма взрослым, великая ясновидица Ванга.

...Всё остальное уже не так близко.

Первые кадры моей зрительной памяти достойны включения в мемуары безымянного идиота. Трехногий обшарпанный стул неизвестного назначения. Чей-то огромный рваный башмак. Собачья громадная морда, склонившаяся над коляской. Пара наклоненных задов крупным планом; один из них, очень большой и голый, принадлежит моей милой бабушке. Лица её прямоком не помню, а вот это как-то запечатлелось. Бабушка мылась в тазике, это было в Самарканде совсем незадолго до её смерти от сыпняка. Она была замечательным детским врачом - инфекционистом, во время войны работала с ранеными и заразилась тифом...

Зачем-то много разной чепухи помнится. Словно ходил начинающий фотограф, пробовал аппарат, снимал что попало. А уже после этого, идиотически-безразличного, запоминается то, что не получается, затруднительные и отчаянные положения, когда события решительно ополчаются против... А чуть спустя, когда выход находится, обычно сам собой, и жизнь опять бежит гладко, память нетерпеливо машет рукой: ну, это уже неинтересно, проваливается и вылезает, в клочьях, у нового конфуза.

Первая боль... Это было только трудно, глупо-трудно, все трудное кажется потом оскорбительно-глупым. Эвакуация, мне три года, среднеазиатский песок жжет голые пятки, и нет спасения, только полететь как во сне... Первый ужас: в ослепительно солнечный день вбегаю со двора в наш дачного типа дом, ноги, еще не очень послушные, несут меня сами, топ-топ-топ-топ – и вдруг впереди черная дыра, я с разбегу влетаю в отверстие зев подпола, ноги не удержижи, обрыв сознания... меня сразу вытащили, ничего не сломал, легкое сотрясение... Но с тех, кажется, пор и затаилась во мне стерегущая зияющая чернота... Не люблю спать взаперти...Смерть, она была раньше, была, когда меня не было, но она не была небытием, нет, она была мной-другим...

Моя память не только злопамятна. Запахи и цветы в детстве так резко-близки, так ошеломительны, так взрывают мозг... Одуванчик – восторг, брызга солнца! Экстаз – красный мак! Колокольцы радости, ландыши! Песнь блаженства, сирень! Акация, упоение... Господи, я не зря родился: я видел, вдыхал, я обнимал Белую Акацию! Ничего больше не нужно, Господи...

...Мне три с половиной, уже много помню, уже рисую, у меня по серым истертым бумажкам(их так мало было тогда, шла война), обязательно с обеих сторон прыгают насекомольвы, обезьянокошки, крокослоны, свинобабочки... Был двугордый верблюд, но это уже в пять, я уже писал...

Как особенность свою и вместе с тем очень детское и очень человеческое свойство могу отметить усиленную потребность в изображении, в воспроизведении и умножении мира. Я рисовал все и всех, кого видел, о ком читал или слышал, кого воображал, да и кого даже вообразить не мог. И все у меня получалось, я был обыкновенным ребенком...

У врат тайны: первая любовь, первая нелюбимость

– Что значит в жизни человека первая любовь и первый взрыв сексуальности? А в вашей жизни?..

– Поначалу каждый думает о себе, что он – исключение, единственное исключение из всеобщего правила – во всех отношениях. Так думает малый ребенок и так думает взрослый – по крайней мере, в отношении к смерти...

Это естественно, потому что у всех почти нулевая или мифическая информация о душевной жизни других, да и о своей собственной, если иметь в виду подсознание. Каждый одинок в своих трудностях. Конечно, и я был таким же. И остаюсь...

Еще будучи маленьким мальчиком, я впервые влюбился, влюбился страстно, беспомощно.

Первая любовь оставляет глубочайший отпечаток и часто оказывает решающее влияние на всю дальнейшую любовную, и не только любовную жизнь. У меня эта любовь не была счастливой, в меня запало неизгладимое болевое ощущение, что меня не любят и что я не достоин любви. Оно мне всю жизнь сопутствует, всю жизнь я жажду любви, жажду неизмеримо больше, чем нужно человеку на жизнь... Даже когда меня любили, я этому не верил, не верил чувством. Тоска душевного одиночества, ненависть к себе, зависть и ревность посещали меня очень часто.

К рассказу об этом я вернусь, а сейчас замечу, что первая любовь и пробуждение сексуальности, к сожалению, очень часто не совпадают и не имеют друг к другу ни малейшего отношения. Именно так у меня и было.

Я из числа тех, в ком сексуальность проснулась очень рано и бурно. А рос я в то время, когда на вопросы секса было наложено жесткое, ханжеское табу. Все мои детские попытки что-то узнать об этом, разведать, тем паче изведать – наталкивались на яростное, непонятное сопротивление взрослых.

Однажды я привел домой девочку поиграть, мне было пять лет, ничего ТАКОГО я не имел в виду и не мог иметь. И вдруг родители, вошедшие в комнату, сделали вытянутые лица, возвели очи к потолку и сказали "Ах!.. Девочку привел." "В этом "Ах" было изумление, настороженность, подозрительность, почти ужас.. Я ничего не понял, но почувствовал, что есть какая-то особая разница: девочка или мальчик, какая-то скрываемая и, кажется, постыдная, а быть может, и сладкая тайна.

Эх, взрослые, взрослые!.. Сами наводите тень на плетень. Детям ведь, чтобы почувствовать, что дело нечисто, много не нужно, они все ловят из воздуха.

Так из поколения в поколение передаются всевозможные душевные и умственные кривизны. В историческом времени кривизны эти движутся по закону маятника, по синусоиде: у одного поколения (или целого ряда) – криво в одну сторону, у другого – в противоположную. Равновесие – штука трудная, долгая...

Я умел читать с четырех лет, с этого же возраста увлекся животными и очень любил рисовать их. Отличаясь фотографической памятью, я с самого начала рисовал все живо и натурально, во всех деталях, для меня очень важно было полное соответствие действительности. Однажды, читая большой том Брэма "Жизнь животных", я пририсовал ко всем животным, изображенным там на картинках, огромные половые органы... И в простоте душевной показал с гордостью родителям: "Вот, я нарисовал как правильно! Как в жизни..." За мою художническую честность мне дико влетело, отец выпорол ремнем.

Столь убедительное внушение иного навсегда бы отвратило от натуралистического жанра, но я оказался крепким орешком. Во втором классе я развлекал одноклассников рисованием порнографических открыток, чем завоевал у них большой авторитет и звание Профессора. Меня чуть не вышибли из школы, снизили до предела оценку по поведению, классная руководительница записала в журнал и в мой табель страшные слова, почти приговор: "Разлагает класс."

Уже к семи годам все мое существо жаждало познать тайну пола. А взрослые совершенно не понимали, да и не видели почти, что со мной происходит. Так было всегда и со всеми, вовеки и присно: взрослые забывают свое детское состояние, отвращаются от своей изначальной сущности, хотя она продолжает в них жить. И почти ничего не видят и не понимают в своих детях, и отрицают самих себя...

Взрослые совершенно не понимали, что со мной происходит, для них это было злостной и непонятной испорченностью. Они забыли себя... Уже к семи годам живой, любопытный ребенок, если его не держат в пробирке, жаждет познать тайну пола. А самые темпераментные приобщаются...

...Летом, между моим первым и вторым классом, мы жили с мамой в одной украинской деревеньке. Я быстро сдружился с местными ребятишками, уже через пару недель говорил по украински. Большой оравой, без взрослых, ходили в лес, в душистое гречишное поле, бегали и на мелкую тамошнюю речушку под названием Говнянка...

То лето было необычайно жарким. Ребята купались голыми, девчонки с мальчишками. Веселились, резвились. Никто ни к чьей нагоде особого интереса не проявлял... Но раз я заметил странную вещь, произошедшую с соседским мальчишкой Толькой, Толян, как его называли. Он был года на полтора старше меня, но не крупнее и послабей. Я его учил говорить по русски, он меня по украински...

Так вот, сидим мы с этим Толяном рядом на берегу Говнянки, согреваясь после ныряний, и наблюдаем со смехом, как остальные орут, прыгают и визжат в воде. Громче всех визжала одна из девчонок, которую то и дело "топили," ей это нравилось. Оглушительная визгунья... И вдруг – смотрю, Толян как-то вдруг стих, перестал смеяться... и очень серьезно, очень внимательно начал вглядываться – куда-то туда, откуда шел визг... Что это с ним?.. Между ног у него что-то вырастает – ого, интересно... (Я никогда раньше не видел ни у кого эрекции, а на свои внимания не обращал.) Толян внезапно бросается в воду, в эту общую веселую кучу... Что там дальше происходило, я не уловил.

А через несколько дней то же самое случилось со мной, уже не на речке... Тот же Толян жарким полднем приплелся ко мне домой с видом довольно скучным

и пригласил: “Пидем до лису”. Лес начинался сразу за домом, почему не сходить. Пошли. Вдруг по пути Толян словно вспомнил что-то. Останавливается и говорит с вяловатым оживлением (я перевожу это на русский, хотя основные слова в данном сюжете в обоих языках совпадают): – “Пошли Надьку захватим е..ть.” – “Чего?” – я не понял. – “Е..ть.” – “А это что?” – “Не знаешь?.. Я тебе покажу. Это во... я первый, потом ты... Ты не бойся, у нее п.... разь...ная”.

Я опять не понял, но мне стало любопытно и... страшновато – какое-то замирание...

(Вижу по вашей реакции – откровенность моего рассказа может кого-то смутить или возмутить. А ведь я рассказываю на своем примере об общезначимых и типичных событиях детской жизни... Поверьте, эта откровенность еще очень далека от исчерпывающей.)

Мы завернули за Надькой, той самой визгушкой, и пока шли к ней, Толян еще несколько раз, успокаивая меня, повторил свою последнюю фразу.

Надьке было, кажется, лет всего около шести, русоголовая, худенькая, мордашка незапоминающаяся... Она охотно с нами пошла, и по дороге Толян начал ей предлагать – так, как предлагают уже знающей. – “Надь, давай по....ся.” Надька отнекивалась. – “Не... да ну... зачем... не хочу.” Толян настаивал, повторяя самый убедительный, с его точки зрения, довод: – “Тебе что, письку жалко?”

И вот мы добрались до укромной благоухающей тенистой полянки между берез, сосен и каких-то цветущих кустов. Надька останавливается около кустика и, ухватившись за веточку, молча, спокойно глядит на нас, то на одного, то на другого... Толян говорит мне: – “Ты это... отойди немного... и смотри. Я буду первый. А ты смотри. Потом ты... По сторонам смотри, чтобы не увидал кто...”

Обращаясь к Надьке, деловито: – “Ты как, встояка?” – “Ага”, – говорит Надька. Снимает трусики, поднимает сарафанчик и расставляет слегка ножки.

Я отхожу шага на четыре. Толян, озираясь, торопливо приступает... Отчетливо помню – я ведь глядел очень и очень внимательно – что на этот раз никакой эрекции у него не было, он возился напрасно. Надька стоит равнодушно, чуть отвернув в сторону голову...” Ну чего... все?..”

Толян прекращает потуги и безо всякого огорчения говорит мне: “У меня ... сегодня не встал. Давай ты, может у тебя...”

Пригласительно отходит. Надька стоит на месте как и стояла. И вдруг... дикое волнение... сердце вот-вот выскочит, задыхаюсь, почти теряю сознание...

Ничего не успело произойти – послышался какой-то шум, треск, голоса – нас спугнули, дальше не помню...

Женщиной я впервые овладел только через пять лет – двенадцатилетним – тоже по тем, да и по нынешним временам рановато, но ничего страшного. И не хочется больше об этом, лучше вспомним о любви...

Мой рок, моя несчастливость, мое одиночество надвинулись на меня уже в восемь лет.

Та, самая первая девочка, в которую я был горячо влюблен, не любила меня, была совершенно ко мне равнодушна. И тогда же, вместе с этой первой любовью (это было в восемь лет), я пережил острое ощущение своей некрасивости, неполноценности...

Я в то время тяжело болел коклюшем... Когда меня побрили наголо, и отражение в зеркале говорило мне: “Урод ты какой-то”, я вдруг влюбился. Ее звали Гулька. Мы познакомились на даче, случайно попали в одну детскую компанию. Но

она предпочла других мальчиков. На площадке, где играли все дети, она все время старалась быть с двумя другими, более симпатичными и ладными ребятами. Смотри на все это, я вдруг ужасно заревновал и, не помня себя ... ударил эту девочку! Я сам от себя этого не ожидал. Она заплакала. Все меня испугались и разбежались. Я внезапно остался один. Навсегда запомнился этот миг. С ревом убегающая девочка – Гулька, ребята, с ужасом посмотревшие на меня, как на сумасшедшего...

Все. Я – один. И я совершил преступление. Я девочку ударил!

Совершенно подавленный, я поплелся домой. Любовь, жалость к Гульке, ужас вины, раскаяние – все смешалось во мне, и впервые возникла мысль – покончить с собой. Я не спал всю ночь, писал ей письмо, нарисовал кораблик... Там были строчки, полные отчаяния, мольбы о прощении, признания в любви. Я объяснял, что все случилось потому, что “я очень тебя люблю” – она ведь ни о чем не подозревала!

Под утро я, набравшись храбрости, положил письмо к двери ее дома. И только я успел спрятаться, пошел сильнющий дождь – все мое послание размыло. А я все сидел в укрытии и ждал, когда же она выйдет и прочтет...

Она вышла, какие-то две подружки прибежали. Они посмотрели на этот размякший листок, ничего не поняли и порвали. Все.

Я так и не признался ей.

Гульку я очень-очень хорошо помню, это была веселенькая, беззащитная, рыженькая, веснушчатая девчоночка, такая наивная резвущечка-хохотушечка, на год младше меня.

Я безумно ее любил. Потом долго искал... Помню, она говорила, что живет на Новой Басманной. Но больше я ее не встретил, а любовь жива до сих пор.

Единственным утешением в моей первой несчастной любви было то, что, как оказалось, любил мою девочку так несчастно не я один... Я узнал об этом, когда она и остальные ребята к концу каникул разъехались, и мы остались вдвоем с одним местным мальчишкой, который тоже играл в нашей компании. Как-то мы вдвоем коротали вечер и заговорили о том, кто кого любит. Я признался, что люблю одну девочку. Он сказал, что тоже любит девочку и спросил: “А ты угадаешь, кого я люблю?..”

И тут мы посмотрели друг на друга и в один голос воскликнули: “Маленькую Гульку!”

Я не могу вам описать это чувство душевного облегчения! Мы ощутили, что мы – товарищи по несчастью... или по счастью... Наверное, только в детстве такое возможно – не соперничество, а наоборот. Может быть потому, что предмет любви – удалился в недостижимость? Горькое утешение?.. Может быть, мы перенесли эту любовь друг на друга, не знаю... Дружба наша была короткой и дивной – глоток волшебного эликсира: мы оба вылечились от тоски и снова стали обыкновенными озорниками.

Ни эта моя любовь, ни последующие две, не менее страстные и несчастные, не имели никакого касательства к сексу, бушевавшему во мне совершенно отдельно, как бы в другой, параллельной жизни. К полу – бесспорное, полное, а вот к сексу, к похоти – ни малейшего.

Слияние разных уровней человеческого Существа – тела и души – великое таинство, без благоволения Свыше оно может и не состояться...

Встреча с превосходящей силой

– Как быть, если человек понимает, что он – трус?

– Ребенок изначально слаб. Полным полно людей вокруг, начиная с домашних, которые могут его подавить, пригрозить, наказать, заставить, подвергнуть насилию... Эта ситуация для многих мальчишек, которым общество предписывает быть сильными и мужественными, выливается в проблему трусости.

Я БОЯЛСЯ.

Я боялся.

Я боялся сперва своего отца, который угрожал мне наказанием. Совершенно нормальный был у меня папа, хороший, замечательный... Но, когда он начинал меня воспитывать (а я был очень активный, любознательный, непослушный, дерзкий иногда) – я его боялся, даже не наказания, а именно его самого. Папа не подозревал, какую страшную рану мне наносил, когда угрожающе снимал ремень... пару раз в жизни... Этот страх запечатлелся во мне, и я преодолевал его многие и многие годы. Папа понял это только потом (и раскаялся), когда я уже смог все объяснить, ведь в детстве многое объяснить невозможно – и слов нужных мало, и слушать тебя вряд ли станут, и страх мешает, и самому непонятно...

Однажды возникший страх у ребенка, как у зверька, сам собой обобщается, глобализуется, переносится с одного источника на другие – уже почти или совсем без реальных причин, иррационально... В школе я обнаружил, что боюсь даже тех мальчишек, которые были явно слабее меня, – только из-за того, что они вели себя уверенно и агрессивно, держались как будто правы, а я виноват...

Я был с малолетства физически сильным, ловким, энергичным, подвижным (хотя одно время и толстоватым), но очень долго не мог найти в себе духу отвечать на агрессию как подобает. Агрессор всегда прав – вот ведь какая дикая, примитивно-животная аксиома во мне угнездилась – я чувствовал себя виноватым перед своим обидчиком, ну точно как тот ягненок из басни Крылова!.. Наверное, из-за этого чувства вины, плюс врожденное доброжелательство, во мне совершенно не было импульса нападения, пришлось его вырабатывать, извлекать откуда-то из печени... И получилась в результате уже какая-то адская агрессивность. Переборщил...

Очень хорошо помню тот первый случай, когда мне пришлось “стыкаться” с другим мальчишкой.

Второй год учебы в школе. Мы, как полагается, вышли на площадку на заднем школьном дворе. Вокруг стоят зрители, судьи, свидетели... Все ждут, когда начнется бой. Я посмотрел на своего соперника и вдруг понял, что не могу его ударить. Какой-то запрет внутри, как паралич... Я боялся ударить, хотя чувствовал, что сильнее и могу победить! Я не мог бить по живому, бить по лицу...

И отступил. С позором отказался от боя. Худший вид поражения.

А ведь в иных случаях я становился совершенно другим. Однажды, не помня себя, расквасил нос старшему, большому мальчишке, который мучил котенка. Просто бросился – и ударил.

Когда надо было заступиться за кого-то, я заступался, и яростно – меня охватывала священная правда. А вот за себя не мог... Не понимал – почему... После той первой позорной стычки на меня смотрели как на низшего по рангу. Я ужасно это переживал, не мог смириться, что я трус.

...Почвой для этого послужила еще и пережитая до моей первой любви болезнь... а вернее, навязанная мне роль Больного, Которому Ничего Нельзя.

Ровно в семь лет, в день своего рождения, я заболел. День, другой, пятый – высоченная температура, едва дышу. Врач определяет: острая ревматическая атака, поражено сердце, в нем угрожающие шумы, начинает стремительно развиваться порок...

На несколько месяцев мне запрещают ходить в школу. Учеба – экстерном. Передвигаться только в пределах дома.

Зима... Тоска несусветная. Меня возит на санках громадная целеустремленная спина отца. Чудовищная чушь. Это какая-то неправда со мной, это меня обманывают, чтобы не разрешать играть в футбол, я наказан за какую-то непонятную провинность... И вот за это, дайте срок, погодите, я все равно стану знаменитым футболистом, центром нападения или левым крайним, а ещё моряком, а ещё...

Я растолстел, потерял чувство связи со своим телом. Кувырком полетела моя уверенность (до того я держался прямо, ходил упруго, а тут стал горбиться и кривиться, волочить ноги...), расквасилась самооценка... И начала исподволь вырывать гиперкомпенсация комплекса неполноценности.

Через полтора года главной задачей моей жизни стало – вопреки этой скверной рыхлости, вопреки диагнозу “порок сердца” развить бешеную футбольную деятельность, засаживать голы, приобрести славу звезды нападения. Раз восемь я давал своим бедным родителям (и даже подписывал) торжественные обещания не играть в футбол ради сердца – и тут же бежал гонять мяч. Изобретаю футбольный велосипед – хитрющий, вернейший удар наружной стороной ступни (это называется то ли “щечкой”, то ли “шведкой”). Чтобы быть всегда наготове, все время кривоногого хожу. О, упоение! – мяч летит прямо на вратаря, но он резаный, резаный мяч! – и перед самым носом у вратаря сворачивает в угол – гол в угол! Я неудержим! Меня ставят на пенальти, и я забиваю почти всегда – пронзительное торжество!..

...Мне десять или одиннадцать, лето под Ярославлем, военный городок Бурмакино, дядя Миша – майор Романов... Вот где меня, наконец, оценили. Я стал столичной звездой местного нападения, динамовцем – так меня называли местные ребятишки, ибо я объявил им, что болею за “Динамо”(они-то – только за свой бурмакинский “Арсенал”). А болел я за эту команду потому, что мой папа работал на заводе “Динамо”...

Дядя Миша брал меня на охоту и рыбалку, я поймал окуня, ночью сидел у костра, костер был громадный, в темноту леса летели искры, военные мужчины курили и пили водку, мне дали попробовать глоточек... Противно и жутко прекрасно: во мне пробуждается мазохист-алкоголик, курить тоже уже охота, всё впереди...

Рыхляк побежден. Сердце в порядке. Но ещё нужно изгнать из себя труса.

Через некоторое время я пошел в секцию бокса, чтобы научиться драться, но меня чуть не выгнали из-за того, что я сперва был слишком мягок, не агрессивен. Чисто рефлекторно я отклонял голову от ударов, что-то во мне берегло её (может, и не напрасно), тренер же счел это за мою непригодность к боксу и к жизни. Я пережил очередные муки самопрезрения. Вскоре, однако, после психических тренировок, которые я сам для себя выдумал, я вообще потерял чувствительность к ударам и стал таким оголтелым нокаутёром, что не приведи Господи – повторяю, переборщил.

Четырнадцать лет, пятнадцать... Похудевший, смазливый, неосознаваемо пошлый индивид развивает мужскую мощь по всем направлениям. Со страхом обхожусь сурово, как Хемингуэй: немедленно делаю то, чего боюсь – съезжаю на лыжах с крутой горы, карабкаюсь на осыпающийся утёс, ныряю с вышки, лезу в потасовку. Страх возвращается побитый, в синяках, безнадежно-упрямый... Накачка мускулов перед зеркалом, подбавим плечи, займемся элементами фехтования, выдавим угорь, шевелюру сюда, нет, сюда... Отработаем мимику крутости и пронизательности, научимся врать убедительно...

Я узнал это, став врачом: у большинства язва детского страха так и не заживает всю жизнь, гложет... Одним не удастся избавиться от физической трусости, хотя они по жизни могут быть мужественны и высоки духом. Другие более или менее приручают страх перед драками и телесным риском, не приобретая при этом настоящей – духовной мужественности. Ведь физическое бесстрашие – это лишь первая и вовсе не обязательная ступенька...

Больной мир – воспламенение души

– Почему вы выбрали своей профессией психотерапию?

Я рано увидел, что мир взрослых – это мир глупый и больной.

Увы, на примере собственных родителей. Хотя у меня были родители далеко не худшие. У меня были прекрасные родители. Но все же у нас в доме случались ссоры... а иной раз и свары, доходившие почти до драк... Взаимонепонимание, претензии друг к другу, обвинения, отчуждение... Для души ребенка все это ад, ад и яд...

Первая же ссора между папой и мамой, которые очень любили друг друга и всю жизнь оставались вместе, – эта первая ссора была для меня крушением мира и хуже того: меня словно резали пополам живьем.

Ведь первоначально тот мир, который дарили мне родители, был миром любви, дружбы, ласки, тепла. Я помню, как я совсем маленький по утрам прибегал к ним в кровать и физически, всем существом ощущал море нежности – они любят друг друга, они любят меня, а я их – полное, блаженное единение... Но мы жили на одном маленьком пятачке в коммуналке. Когда начинались громовые скандалы между бабушкой и отцом, в мозгу моем словно рвались ядерные бомбы... Понять этого я не мог. Жуткий, кровоточащий вопрос без ответа.

Ответ я ищу всю жизнь.

...Оглядываясь, не могу сказать, что я избрал психотерапию своей профессией. Скорее, она меня избрала, вопреки моим колебаниям и метаниям, судорожному сопротивлению... Будучи студентом-медиком, я не хотел работать врачом, а честолюбиво готовился к научной карьере. Став все-таки практиком, много раз порывался бросить – то ради литературы, то ради живописи, то ради науки, то ради музыки...

Но когда я работал с живыми людьми, когда врачевал – работа забирала меня целиком, так и ныне... В 12 лет я оказался добровольным психотерапевтом своей тяжело больной двоюродной сестры – на целое лето вытащил ее из страшной депрессии и пригасил бред... Я ее любил, верил, что она выздоровеет, жил этой любовью-верой, отдавал ей себя и еще не знал, что это называется психотерапией.

Входя и втягиваясь врачбно в человеческие миры – себе не принадлежишь, себя забываешь, живешь борьбой за Другого. Пока это продолжается – и если ты в ЭТОМ – через тебя как через провод высокого напряжения проходит громадная энергия, но она не твоя...

В 14 лет случилось внезапное откровение...Некий внутренний голос сказал мне: “огромный труд у тебя впереди и великая слава. Готовься, достойным будь.”

Я не понимал – почему это вдруг, откуда...хлынул восторг, слезы, смятение...какая-то ликующая, рыдающая, невероятная музыка разрывала грудь... И вот, в один миг, я не решил, но как бы увидел, что посвящаю жизнь преобразению человека. Поклялся – кому неизвестно – что сделаю все, чтобы случаи, подобные моему, нашему – не повторялись... чтобы не было на свете злобы и лжи, обиды, напрасного горя, чтобы люди могли понимать друг друга, любить, быть свободными и счастливыми...

Наивный порыв романтического подростка... Я много раз забывал о нем, яростно, малодушно, отчаянно забывал, но что-то напоминало... Как видите, я на службе. Он страшен, этот безумный миг воспламенения души, когда нас призывают...

Говорит зомби

– Вы давно известны как один из сильнейших гипнотизеров-практиков, и в равной степени как исследователь внушения и гипноза. В книгах вполухутку писали о своём детском опыте гипнотизирования. Внушаемы ли вы сами, как обыкновенный человек, подвержены ли гипнозу?

– Да, да!.. Я не только внушаем, как вы и любой другой, но может быть, и еще внушаемее...Иными словами, я претендую на звание необычайно заурядного человека, и к этой своей повышенной серости отношу все, что мне удастся по части внушения и гипноза сверх чистой техники и простого знания дела – все, то есть, что относится уже к уровню искусства. Вдохновенное мастерство приходит всегда только из со-общения, со-бытия с иным существом – или с иным-собой... Я не просто знаю, но и очень хорошо чувствую, помню чувством, что значит пребывать под внушением, жить под гипнозом...

Ребенком и юношей я был чересчур впечатлительным, тонкокожим, врезалось все резко и проходило на глубину почти без задержек. В мозгу накапливалась и клокотала невообразимая каша. Подражал всем и всему, не устоял ни разу ни перед малейшим влиянием. Загипнотизировать меня мог первый встречный, запросто, всерьез и надолго. Сверстники делали меня невменяемым, дружба сводила с ума, и в кого только не влюблялся. Младших любил покровительственно и нежно, а старших взрослых боготворил... я так хотел верить им, быть похожим... Материнство, отцовство, учительство, если несли хоть каплю любви, находили в моем лице благодарного, хотя и весьма кусачего кролика.

Обожал и сейчас обожаю – поклоняться и восторгаться, творить кумиры – да, обожаю обожать, так устроен, иначе не ощущаю себя живущим.

Теперь сложно вспомнить, когда зародилось ощущение, что так жить – неполно, глупо, опасно.... “Что ему книга последняя скажет, то ему на сердце сверху и ляжет”... Вдруг – ужас: не знаю, что я такое, весь состою из чужого, меня нет!..

Я был зомби. Признаваться не стыдно – через это проходит каждый, чье детство не прервала смерть, любой, чья душа, открываясь миру, стремится себя обрести в Боге – сперва неосознанно, вслепую, наощупь... Я и не перестал быть зомби, такой же я и теперь, но слава Богу, могу, наконец, отдать себе в этом отчет, могу кое в чём разобраться, могу посмеяться, а значит... Значит есть и противовес. Не одолеть свою внушаемость, нет, никуда от неё не денешься. Но стараюсь двигаться...

– С возрастом внушаемость и гипнабельность уменьшаются?

– По проявлениям – да, сущностно – нет. Только закрываются, бронируются защитами. Становятся менее доступными – и более избирательными.

Лев Толстой, один раз увидев сеанс врачебного гипноза, сразу гениально заметил и записал в своем дневнике (привожу по памяти без буквальной точности), что взрослые под гипнозом пребывают в том состоянии души, в каком ребенок находится постоянно. Я люблю повторять это наблюдение, в нем золотой ключик к тайная тайных... И добавить к нему можно лишь то, что детское состояние души проходит через всю нашу жизнь – это именно оно побуждает нас искать смысл жизни, искать Бога... или его заместителей... Кажется, я угадал ваш следующий вопрос?..

Учитель – как его найти

– Нужен ли человеку в современной жизни Учитель-Защитник? Духовный Учитель – как вы понимаете его роль? Был ли он у вас, есть ли?

– Учитель-Защитник, Учитель Духовный... Вы их поставили рядом, наверное, не случайно.

У каждого детеныша, чтобы он смог выжить и состояться, должен найтись жизненный Покровитель, заботящийся Защитник. Так поставлено по природе, это как бы само собой разумеется, этому и служит инстинкт родительский и его человеческое возвышение – чувство ответственности старшего перед младшим, короче, совесть – или одна из важнейших ее составляющих.

Встреча инстинктов так мощно отработана жизнью, что происходит легко. Инстинкт самосохранения детеныша и инстинкт покровительства старшего обычно находят друг друга сразу. Кто же не поднимет упавшего малыша? Какой урод равнодушно пройдет мимо одинокого плачущего ребенка?..

Внимание, мы говорим с вами сейчас о невероятно важном, о сути всеобщей связи, о первооснове религии... В всем живом мире родительско-покровительский инстинкт далеко перекрывает границы чувств к собственным детям и даже к детенышам своего вида. Человек защищает и воспитывает котенка, а кошка, случается, и цыпленка, если сразу не слопаёт. И приходят забавные и трогательные мгновения, когда котенок пытается чему-то научиться у своего хозяина-человека, а усыновленный цыпленок – у кошки... "Мирами правит жалость,"- сказал поэт. Это сложная истина...

Правит мирами и жалость к Другому, и жалость к Себе. Одна именуется альтруизмом, другая эгоизмом... Альтруизм – это расширенный, большой эгоизм, менее ограниченный, более дальновидный.

Жалость к Другому есть перенос на него жалости к себе. Перенос этот осуществляется через чувство ТОЖДЕСТВА – мы глубиной души узнаем себя...

Маленькое слабое существо продолжает нас, продолжает жизнь, несет дальше факел бессмертной надежды – в ребенке будущее, а мы, большие и сильные, должны умереть раньше... Глубинное, инстинктивное ощущение тождества соединяет незримыми нитями все живое, и чем развитее душа, тем это чувство над нею властней...

...Маленький тоже чувствует родство и тождество – чувствует, ищет и созидает. Природный детеныш, не рассуждая, соединяет себя со своим окружением, быстро разворачивает мощную генопрограмму отождествительного слияния. Подражает на всех уровнях, от состава крови до образа мыслей... В старшем ищется и защита, и источник познания, и образец поведения и отношения к миру.

Какой-то защитник для маленького беззащитного человечка, скорее всего, найдется, Господь призрит... И дальше, у взрослеющего и совсем взрослого будет, с большой вероятностью, еще много разных защит и защитников, покровителей и незримых, и явных...

Но станет ли защитник учителем жизни – и не просто текущей, плоскостной, утлоприспособительной жизни, но Истины – Жизни-в-Целом? Станет ли эликсиром для внутреннего развития, или будет всего лишь “крышей”, требующей свою мзду, как “деды” в армии или вежливые рекетиры?.. Знаете ли вы, как распространен и духовный рекет?..

Найти Учителя Истины, а не просто тренера жизни – все равно что найти бриллиант среди булыжников на большой дороге.

Всего вероятнее – ошибиться, и не раз, и не два, и не десять, приняв за Него кого-нибудь не того.

Но жизнь щедра и гибка; отсутствие Единого Абсолютного Учителя могут с переменным успехом возмещать временные, частичные, относительные... Таковыми и становятся для большинства из нас сначала наши родители и просто взрослые, старшие; ну, а далее – преподаватели, книжки и телевизор, друзья-приятели и начальство...

– Можете ли вы сказать, что ваши родители хорошо или достаточно выполнили для вас свою долю духовного учительства?

– Сказать трудно... Пожалуй, и да, и нет. Да – потому что они любили меня, любовь эта была и остается взаимной, а это главное. Нет, потому что они совсем не умели учить и сами были дремучими детьми своего дремучего времени... Это были работающие обыкновенные люди, довольно наивные, они были в первых рядах пионерии, потом комсомолии, потом стали самоотверженными, верующими коммунистами. Каждый из них имел свои дарования, свой богатый и таинственный внутренний мир, но по масштабам проявления личности оба были вполне обычны...

– Но им удалось воспитать Вас так, что Вы себя чувствуете необыкновенным. Или Вы считаете, что это Ваша личная заслуга?

– Я – чувствую себя необыкновенным!?. Нет, это вам кажется, и я понимаю, почему... Повторю – мое самоощущение как раз обратное: я зауряден, более зауряден, чем большинство... Я очень обыкновенный человек, которому повезло раскрыться благодаря удачно выбранной работе... На которую, кстати, меня решающим образом натолкнул мой папа. Сам он мечтал в юности стать врачом, но не стал. Однако людям около него было хорошо, у него проявлялись зачатки стихийного целительства и ясновидения. Это он подсказал-внушил мне, когда я маялся, выбирая, на какой университетский факультет поступать, чтобы изучать

человеческий мозг – на химический или биологический. – “Иди в медицинский институт.” – “Да не хочу я врачом... Трупы там...” – “Ну и что, вот и хорошо, посмотришь какие у них мозги”. Меня этот довод вдруг вдохновил, в этот самый миг я почувствовал, что мои паруса наполняет ветер судьбы...

– Так вам все-таки повезло? И с родителями повезло?

– Повезло, разумеется... Как и с родиной... Но...

Я сказал вам: у меня почти не было никаких внутренних защит... И мне долго казалось, что взрослые, и особенно родители – люди душевно ужасно тупые, жестокие, черствые, не замечают моих достоинств, не хотят знать, какой я хороший... На самом деле, как я позже узнал, было не совсем так: достоинства кое-какие они видели, например, любознательность, хорошую память и художественные способности, иногда некоторую порядочность – но мне об этом не говорили, старались даже не намекать. Я был у папы с мамой единственным ребенком, и кто-то внушил им, что опасно меня хвалить – зазнаюсь, избалуюсь... И они долгие годы нудно и добросовестно воспитывали меня по преимуществу на негативе: много ругали за что попало и почти не хвалили. Все время я был в чем-то виновен, чего-то недостоин, кому-то должен... Иногда у меня отнимали уже подаренные подарки, это причиняло безмерную душевную боль...

А еще у меня был любимый дядюшка, не Миша, другой, тоже любимый. Он был моим кумиром – интеллектуал, умница и необыкновенно обаятельный человек, который время от времени бросал мне презрительные, уничтожающие реплики, вроде: “Ну, чего ты вообще? Чего возникаешь? Не надо быть смешным.” (А смешным-то быть как раз НАДО!!!) Я это переживал так, что я, просто-напросто, не достоин жизни на этом свете...

Никто не подозревал, что я изрядную часть детства, отрочества, юности да и последующей жизни провел на грани самоубийства – с виду такой сильный, удачливый и уверенный...

Наверно, так надо было – чтобы, как говорят в армии, жизнь не казалась медом.

– Духовный Учитель, как же его все-таки найти? И кто, если не секрет, ваш Учитель?

– В душе сразу отозвалось несколько первых любимых имен... было бы бездарным занятием просто перечислять их. Как говорил поэт – сначала возникает любовь, а потом приходит любимый... Адреса Учителя, Абсолютного Учителя Истины я не знаю, для меня Он везде и в каждом – в женщинах и мужчинах, в живых, ушедших и еще не рожденных, во всем вселенском человечестве... И в животных тоже, в растениях тоже, в камнях – тоже!.. В морских волнах и в горах, в рассветах, в закатах... Дал бы мне Бог еще одну, следующую жизнь – я бы ее целиком посвятил написанию Благодарственной Книги за предыдущую, всех бы Учителей своих вспомнил и восхвалил..., но я точно знаю, что никакой жизни мне не хватило бы!..

Понимаю, вдвойне понимаю потребность найти воплощение Учителя в ком-то одном и конкретном, до кого можно дотронуться... Я сказал – вдвойне, потому что сам такого искал, а с некоторой поры его ищут во мне, и я этому остервенело сопротивляюсь...

Юное существо – не просто внушаемо, оно внушаемо-доверчиво, это свойство другого измерения, устремляющее нас на Вертикаль Веры, выстраивающее... Доверчивость, жаждущая самоотдачи, – великая тяга, это духовный инстинкт.

Учитель нужен, чтобы преобразовать душу в духовную личность. Таков запрос Ищущего. Но чаще всего Учитель либо не появляется, либо заменяется суррогатом, либо... не замечается, не принимается, отвергается. Это даже как правило...

– Разве так?.. Почему?

– Ответ в Библии. Вавилонская башня ведь строится постоянно... Ответ и в Евангельской трагедии, и в человеческом многообразии потенциальных учеников, в разнокачественности умов, в разноязычии душ... У каждого пастыря своя паства. Если учитель человечески ограничен, а человек всегда ограничен хотя бы сроком своей жизни, – то ВНЕ ЕГО ДУХОВНОГО ПОЛЯ неприятие ему обеспечено, и следовательно, неприемлющих всегда будет несравнимо больше... О чем мы говорим? – Сам Господь Бог в его НЕОГРАНИЧЕННЫХ ликах, во всем безмерном разнообразии своих учительских ипостасей – подавляющим большинством населения нашей планеты не принимается! Страстно ищется, но не принимается – Бога не замечают!

А заменяют Его кумиры – эстрады, кино, спорта, политики, эзотерики, моды... То там, то здесь какой-нибудь гуру, маг или псевдохристос, какая-нибудь бесятина, мелкая или крупная...

Духовное учительство уж давно стало бизнесом психологических хищников, ловлей овец. И наряду с сонмом псевдоучителей в рыночную круговерть поневоле оказались загнанными и Настоящие Учителя, светочи. На книжных прилавках валяются все вперемешку: – “Вам Пикуля или Марка Аврелия?”

Для юного и наивного трудный выбор: чтобы не обмануться, надо не быть наивным, а быть недоверчивым, включать критический ум, но у тебя он пока что не развит. Да и к тому же недоверие делает твое существо закрытым даже для очевидных истин. Остается – рисковать. Я еще с ранней юности выбрал вот что: доверчивым – быть, но не ограничиваться, не останавливаться! – Не ограничиваться одной истиной, открывшейся мне сегодня, вчера, завтра – всегда помнить и понимать, что это только часть Истины, только грань... Не останавливаться на одном учителе – как бы он ни был привлекателен и замечателен – быть восприимчивым, быть любящим, благодарным учеником – но двигаться...

– Как же отличить истинного Учителя от поддельного, суррогатного?

Проверяй: покушается или нет. Суррогат всегда покушается на твою доверчивость – хочет влияния, хочет власти. Его роль для него дороже твоей души и дороже истины.

Если кто-то говорит тебе, что он знает истину и объявляет себя твоим учителем, то от этого субъекта надо бежать как можно быстрее и дальше: либо это хищный мошенник, либо одержимый маньяк... Либо – дурак. Опасаться стоит уже того, кто не возражает, если ты сам назначаешь его учителем.

Настоящий духовный Учитель может быть печальным или веселым, ласковым или сердитым. Но он всегда скажет тебе так, либо эдак: “Не вздумай напяливать на меня мантию совершенства – я задохнусь, я смертен как ты. Не взволакивай на пьедестал – упаду с грохотом, это больно... Не надо мне во всем верить – я сам себя иногда обманываю и замечаю это не сразу... Давай просто общаться, давай изучать друг друга. Попробуем подружиться. Закопаем поглубже нашу ребячью тоску по обеспечению готовыми смыслами жизни. Начнём постигать этот мир вместе, начнем с чистой странички, ведь так и начинали до нас, так и после нас... Я, может быть, и смогу научить тебя тому, что немножко больше, чем ты, знаю или

множко лучше умею. Но ведь не это главное. Самое главное – жить полной и сокровенной жизнью, красивым быть изнутри, а ещё и хорошо умереть. Гроссмейстеров Жизни – нету, а если и есть, они о себе помалкивают. Жизни можно учиться только взаимно”...

И ты вдруг почувствуешь в нем свет, тебя потянет к нему, как пустынного путника к источнику... А он снова и снова скажет, что он тоже лишь ученик ...

Он, может статься, окажется по-человечески ревнивым, огорчится, обидится, разъярится, когда ты предпочтешь ему кого-то еще; но он все равно обрадуется за тебя, если ты продолжишь расти и пойдешь собственным путем, будет и горевать, и смеяться вместе с тобой... А однажды шепнет или даст понять: твой Учитель – в тебе самом; чтобы встретить его живьем, целый мир надлежит пройти – и остаться в пути...

Любовь к трем ошибкам

– Что в жизни самое страшное?.. А для вас?

За других не скажу, для кого как... А я больше всего боюсь лжи. Не столько чужой, сколько своей. Слишком хорошо знаю, какой я способный... И знаю, что порождает ложь. Страх, и ничто иное. Страх и неверие, маловерие... Оно же и малодушие.

В детстве ложь происходит из страха наказания, из страха перед плохой оценкой, из страха неодобрения, из боязни ошибиться. Оценочный страх – самый жуткий тормоз развития, тормоз жизни. Однажды внедрившись в нас (есть и склонность к нему с рождения), страх этот принимает виды самые разнообразные: застенчивость, грубость, обидчивость, злобность, дурачество, пофигизм, раздутое самолюбие... Ну и конечно лживость, а иногда и лживость-наоборот, случай перед вами...

Оценочный страх и приводит к тому, что человек перестает мыслить и чувствовать самостоятельно, перестает жить по-своему и начинает СЕБЯ БОЯТЬСЯ. В тяжелейших случаях доходит до бреда, до невозможности шевельнуться ...

Как только я понял это – начал, как псих, проповедовать оценочную независимость и любовь к Трем Ошибкам...

– ???

– Это мое кредо: во всем – в работе, в общении, в воспитании, в учебе, в любви – нужно делать ошибки и получать плохие оценки! Да, да! – совершать ошибок как можно больше, а главное – разнообразнее! Первая ошибка – не ошибка, вторая ошибка – ошибка, третья ошибка – диагноз. Если одна и та же.

– А если разные?

– А если разные, то это не ошибки, а поисковые движения, пробы; три разных ошибки – это как раз единица опыта. Троица, любимая Богом...

Поток разнообразных ошибок и есть нормальная жизнь, в которой одни ошибки более или менее уравниваются другими, и в целом кривая куда-то выводит... это движение и обновление, это поток возможностей... И отсюда врачебное предложение напоследок: сделав ошибку, потерпев неудачу, как можно быстрее постарайся сделать еще, потерпеть еще... Без оценки, просто ради разнообразия.

В.Леви. О чем врет дневник

Полезно ли для саморазвития - пересматривать свои старые записи, дневники, письма? Оглядываться, так сказать, на пройденный путь?...

Доныне считал, что полезно. Теперь сомнение.

Если отбросить sentimentalное самоумиление; если убрать все, что вольно или невольно желаешь видеть в этой предстающей перед тобой маленькой дорожке маленького человечка, с ее бесконечными запинками и ухабами, с брошенными там и сям окурками, бумажками, консервными банками, еще коечем... Если отодвинуть все это - увидишь...

Увидишь прежде всего топтание на месте. Фонтан глупости. Поразишься (если еще не сгнил) - бездне слепоглухоты, умственной и душевной, которую бодро несешь в себе, невзирая на все препятствия. В походном рюкзаке - неприкосновенный запас подлости, в петлице - неувядающие цветочки пошлости. И вранье, и вранье... Вместе все это называется личностью.

Повторяешься и в самоотрицании, и в назойливом самобичевании. Одни и те же бесконечные самовнушения. Удивительно непоследовательно, если учесть простую конечность жизни. Все ближе - а ты все о том же... Вот - время от времени звонит будильник: вроде бы просыпаешься, встаешь вроде бы - но на самом деле все это во сне, в продолжающемся беспробудном сне...

Безличный скучноватый смешок смерти...

Отказываюсь от автопортрета - только литературный, через героя - с любой дозой вымыслов, потребных искусству.

Дневник односторонен. Бежишь в него слабым, в моменты плаксивого одиночества, или - навыворот - истерического самопоуоения, в похмельюшке, в подштанниках... Какофония самонастройки.

Спасибо за слабоумие

Понял, давно уже понял, что рассудочным разумом жизненное уравнение свое решить не сумею, слишком много в нем неизвестных и сложнзависимых переменных. Все шатко, все дуновенно - и моя жизнь, и близких, и всечеловеческая... Призывать себя срочно мудреть и чего-то там достигать - глупость уже даже и не смешная. Не помудрею, нет, не пойму этот мир - уже понял это.

"Жить как живется", «жить здесь и сейчас» - не могу тоже, не свинья ибо. Духовные омовения сводятся к одному: к благодарности, к усилиям благодарности... Жизнь мне подарена, вернее, одолжена, у меня ее заберут обратно, - я сотворяю из нее, что получается; а получается не совсем хорошо, даже совсем, наверное, нехорошо, но не мне судить, я ведь по отношению к Целой Жизни вполне слабоумен. Так что же, хоть вежливой иронии ради, откланиваясь, неужели же не сказать спасибо?...

Волна я, волна...

Хорошо, что я, матерый эгоцентрист, врачебно узнал многих и множество многих. Хоть както уравнил внутри "я" и "другого".

Теперь точно знаю, что я не интересней любого иного, не более заслуживаю жизни и не менее - смерти. Ни подвиги мои перед человеками, ни одаренность не добавляют ни капельки преимущества.

Не более чем волна я - в океанском кипении бытия - звеньшко волновой бесконечности, и обречен, свершившись, исчезнуть, дать путь новым волнам, одна из которых, быть может, опять будет мною...

О свинстве счастья, о коже, которая слезла...

Когда сравниваешь себя, глядя пристально и подробно, с большим множеством узанных столь же подробно и пристально, - видишь зерна судеб: те постоянные, которые в нас действуют как переменные. Извлекается смысл - сырым, прямо из родовых путей...

Каждому, даже и идиоту последнему - вот начало: Дарованное. Жизнь, благо, счастье - бесплатное, самособойное, и не знаешь, и знать не хочешь, откуда оно. Бессознателен. Откуда течешь, куда вытечешь - никакого понятия.

А потом вдруг тебя кидают - изгнание из утробы, отнятие от груди, отнятие жизни...

О, наказание!.. Давно заготовленное, долго зревшее и нагрывшее, - и твой ужас, ад, кризис, почти смерть - если почти...

Этот архетипический кризисный цикл повторяется столько раз, насколько хватает твоих генетических батареек и/или благоволения небес. Столькото раз миг последний оказывается предпоследним, и в нем - чудо, спасение. Тебя продлевают, дозволяют продолжиться. Помилование, прощение. От Кого - снова не ведаешь, узреть можешь только ближайшее: через кого или чем - инструмент или посланного осуществителя, средство. И опять жизнь, и опять беспамятство, опять свинство счастья, себя знать не желающее. Поймешь ли, что проживешь ровно столько, насколько хватит твоей благодарности? Нет, не поймешь. Она же так утомительна, благодарность, и так легко ее из себя изъять, столько помощников. Узнаешь или нет, что спасает тебя Любовь? Узнавание многоступенчато...

...Зачатие существа, ставшего мною, произошло от взаимной страстной любви. Окружавшие мою маму защита, забота и нежность проникли в мою зародышевую протоплазму, и я до сих пор ощущаю то давнее чревное благополучие в своей уверенной широкой груди, несу его в развороте плеч...

Но роды были ужасные, роды не состоялись бы, не подоспей акушерка особой опытности, в предпоследний миг. Вытащила белым, холодным, почти мертвым, без крика. Елееле ожил. Зато потом - развитие вскачь, с веселым, бурным здоровьем, невыносимый аппетит к жизни. Задатка его хватило и на войну и ошпаривание войной, в смысле самом буквальном.

Едем в эвакопоезде, в битком набитом вагоне... По рассказу мамы - не успели отползти от Москвы, как приметил фашистский летчик и стал преследовать, атаковать - то ли обстрелять, то ли бомбу... Машинист - то вперед, рывками, то тормозил. Резко, как только мог. Я, трехлеток, без удержу хохотал, меня забавляло,

как скачут, шарахаются и летают из угла в угол мешки, люди, костыль чейто, сумки, башмак, картошка... Я рвался из рук - поймать чтонибудь, полетать... И полетел - одним из толчков вышибло у мамы из рук - под обрушившийся титан с кипятком.

...Старуха спасла какаято, приказавшая: «Ссыте на яво, мужуки. Ссыте скорей. Кожа слезеть, помреть. Сымайте с его все. Держитесь об друг друга, на колени пуститесь. Кружком, кружком. Вынай, малый, не бойсь. Вынай, дед, вынай...»

Кожа слезла. Не сразу.

Под ней оказалась другая...

Здравствуй, земля

Жизнь моя похожа на постепенное (с провалами) просыпание. И на засыпание тоже...

Теперь понимаю, что знал с рождения (до?..) страшно много, знал все или почти все, да - только забыл, что именно...

Мама вспоминала со смехом ("А расскажи, какой я был маленький?"), - что был я младенцем необыкновенно общительным, ко всемвсемвсем обращался из коляски на улице с вдохновенными нечленораздельными изречениями, чтото доказывал, объяснял, жестикулировал, пел, смеялся...

Искал язык?

Да - и когда стал рисовать, и первые попытки самостоятельного музицирования и фантастические сочинения...

Но - понятный парадокс - забывание содержания по мере овладения формой. Языками, которые мне предлагали, я забывал - забивал память Сушего.

Учили чужому. Встречался и со своим, но не узнавал, только чувствовал. Все, что усваивал, было лишь воспоминанием.

Поражало учителей (но не меня самого) знание точных значений многих, ранее не знакомых, казалось бы, иностранных слов.

...Понимаю теперь: я и должен был забыть Все - чтобы снова вспомнить - на языке тех, к кому послан...

Масса людей, проходящих ко мне, похожа на рыб. Вотвот, рыбы, рыбы, бьющиеся в сетях, выволакиваемых из воды. Не понимают, что происходит с ними, бьются и задыхаются...

И я тоже бьюсь в сети своей судьбы, иногда она кажется мне паутиной, а я себе - мухой... Паук затаился, но вотвот появится... То судорожно трепыхаюсь, то затаиху, чтобы подумать, как выпутаться... время идет... близится миг...

Станным образом эдакая жизнерадостность сочетается у меня с ощущением мощи, какойто неизмеримой силы во мне, с верой в полнейшую мою непобедимость, в бессмертие...

Александр Мень напутственно пожелал: «Дозревай до принятия своей слабости и смертности как награды - и вырастешь за пределы...»

После ревизии сделанного должен остаться маленький, но тугой рюкзачок горящего - отжимка из памяти и трудов, из себябывшего, отработанного - то, что стоило бы прихватить в новый Путь.

Житейски живи мигом данным, в трудах же оставь всякое цепляние за преходящее - прочь, прочь, отряси, не нравься, останься наедине с чистой творящей страстью...

«Печаль моя светла...»

Важнейшее для меня состояние - или, правильнее сказать, наполнение называю счастливой несчастью, счастливо-несчастью... Ее можно дарить, да! - с божественной закономерностью состояние это, ясно выраженное вовне - переданное другому - прекрасно на него действует, дает свет и тепло, живой смысл...

В эти мгновения человек становится Художником Жизни.

Счастливо-несчастными делает нас красота, влюбленность и обращение к гениальному творчеству. Гений счастливо-несчастен сам, изнутри, независимо или мало-зависимо от обстоятельств...

Кажется иногда, что и я на волоске от такой возможности...

Невысказанность

Бездонное богатство у меня - моя жизнь. Связка волшебных ключей - мое слово, которое может все, моя мысль, которая любит все, моя музыка, которая - все...

Что мешает мне взять эти ключи - и.....?..

Жизнь мешает, сама жизнь. Так выходит, что необходимо практически умереть, чтобы высказаться.

Я мешаю себе быть собой-высказанным, мешаю! - Куда мне убрать себя? - И о чем поведаю, что я выскажу, когда, наконец, уберу себя окончательно?..

Ладно, хватит истерик. Lentяй я, lentяй постыдный, пещерный, элементарный lentяй, только всего-го. Смертельный инстинкт самосохранения от Вечности!..

Упустил огромное множество характеров, сцен, историй. Не записывал их просто по лени, гадостно признаваться... Мои пациенты - море портретов, сюжетов, судеб, живые притчи и психологические детективы... Я помню о них все, знаю, что помню (когда надо к случаю - вспоминаю всегда точно и ярко) - но каждодневно доставать жизнь из памяти - для запечатления в неподвластном времени Смысловом пространстве, для художественного преобразования ради извлечения Красоты - как истово делал всю жизнь любимый мой Чехов, мое божество - ленюсь, черт бы меня подрал, ленюсь наркотически, откровенно, безумно, самоубийственно...

И чем только я себя не оправдываю. В записывании за действительностью углядел нечто среднее между стукачеством и воровством. Поставил дилемму колом: либо записывать за жизнью, растудыблин, либо жить,

блинблинблинрастуды. Ну вот, говорю себе, записал - вот слямзил кусочек жизни в свою тетрадку, расписавшись тем самым, что ты в этот момент не жил, а чтото зажил...

Господи, пошли мне озарение. Сними, Господи, с души моей пелену, дай мне увидеть, что нужно делать, увидеть душой - и силы придут...

Взглянув в зеркало по пути на кухню

**Есть истины, проверенные кровью.
В Природе, недоступной милосердию,
умение болеть равно здоровью,
искусство умирать равно бессмертию.**

**А мой рассказ пока не получился,
еще не сшита исповедь ночная.
Болеть я худобедно научился,
а умирать все только начинаю.**

**И чем яснее мне, что я невольник,
и чем теснее поджимают сроки,
тем слаще я, как оголтелый школьник,
гуляю и не делаю уроки...**

Я жил до сих пор и живу пристойноблагополучной жизнью, которую все явственнее ощущаю позорной. Лень и трусость составляют ее интимную основу, настолько интимную, что у меня никогда не болит голова. Я почти всегда хорошо себя чувствую. Я никогда не испытывал великих страданий. Я никогда не предпринимал великих трудов, а если предпринимал, то не оканчивал. У меня достаточно широкий и гибкий набор приспособлений для того, чтобы быть довольным собой и делать людей довольными мною. Этой простой и доступной цели я подчинил свою одаренность. И я делаю это достаточно хитро, чтобы и у других, и у себя самого поддерживать, что я способен на нечто большее. Я и вправду способен на большее. Только не делаю это большее. Только не делаю. Только не...

Признаки искренности

Однажды мне удалось честно признаться перед собой, что я не могу быть честным перед собой. Тем паче - на сцене общения, в присутствии или возможном присутствии других - в дневнике или в книге. Не получается. Спазм. Кажется - вот, расковался, вышел из панциря, ВЫРВАЛСЯ в СЕБЯ - ооо!..

Оказывается, истерика.

После отлежки написанного с отвращением видишь скрытые от себя в тот момент мотивы, позу, позу и позу, крупные и мелкие подтасовки...

Чем шире распаиваешься, тем глубже прячешься...

Рыночное отношение к себе влезло в подкорку, не денежное, так этическое, но рыночное, все равно.

Искренность не товар. Как только ее подставляешь оценке, какой угодно, хоть Господа Бога, - мертвец мгновенно,

как Эвридика при роковой оглядке Орфеевой - и уже призрак, уже подделка, уже ложь. Искусственная искренность, актерская - ходкий продукт, но поразительно легко протухает, прямо по ходу употребления... Ни средством для чеголибо не может быть искренность, ни даже целью. Есть, либо нет. Чистое бытие.

Не невысказанность, а неискренность равна смерти.

Кто просил меня рассказать, как сходят с ума?..

**В детстве это случилось... Искал нечто,
забрел за обочину и увидев НИЧТО испугался
но было поздно уже
только ногу успел занести обратно и
как подкошенный пал
толпой дикой поперли
инакосмыслы бесстыжие иносушности
совершенно голые и голодные
вы зовете их тайнами вы отводите ваши
зомбированные глаза**

**ну а я теперь подо всеми шкурами
созерцаю утробные судороги изнанок
нализываюсь на зазубрины запятых
лезущих из заплат расплзающихся сознаний
знойно это занятие и задувает в мозг разные мысли
так вы привыкли обозначать спотыкания
ваших биополей а любовью назвали футбол
хромосом скорей гол забить гол гол гол
а потом на пенсию..
Кто меня спрашивал, как сходят с ума?**

Долой левитацию

Доигрался, попал наемни в учителя. Конспектируют, подчеркивают, цитируют, носят за пазухой. Живут "по Леви". Поклоняются, ловят, бредят, пошло мифоложество, слышал уже пару анекдотов про себя, один из которых, кажется, сам же и сочинил по пьянке...

Сам виноват, мудрак, вылез. И это ято, эстетический онанист и нарцисс, школьный хулиган, терпеть ненавидящий всякую, хоть на микрон выпирающую из штанов, правотишку.

Потом, как кумиру и полагается, обосрут. Уже.

Удачный эксперимент, не предполагал только, что такой оглушительноскучный.

Картонка в почтовом ящике, черными плакатными буквами: ЖДИ СМЕРТИ. Рядом благодарственная телеграмма - за "Нестандартного ребенка"... Жизнь на военно кочевом положении.

А ведь всегото лишь попытался - живым быть на листках бумажных и через буквы дарить жизнь живую... И вот вскрылась какая запредельная духовная дистрофия народа, голодные судороги.

Болезные, кыш!.. Ротки раскрывайте, а ручками брать не надо, измажете и измажетесь... Не присобачивайте постамент, боюсь холода и люблю плясать. Найдите себе какогонибудь Кашпировского, вознесите, будет большой кайф скинуть вдребезги. Не выкраивайте икону из моих строчек. Не в том человек, что написал, а в том, что недописал. Не делайте из меня самозванца. НИГДЕ я не говорю, что могу больше вас. Учитель, гуру, наставник? - Фигушки с маслом. Смертный болящий врач. Вам помогаю, но ничего не могу в жизни собственной, кроме обычной дури, а что могу, то не для себя. Все в точности по закону Природы. Такое точно, как вы, больное беспомощное чудовище.

Жить, просто жить. Руки на клавиши.

Истины без границ взыскупя нашел повод заткнуться

Тупо и безуспешно борюсь со своим лирическим вампиризмом. Ух, жуть подкожная!..

Все писатели и поэты, все самовыраженцыхудожники, все болтунученые, все лгунициполитики, все эти прямоиликосвенноосебеговорители, все токующие глухари и воркующие глухарки долдонят одно: "Вот я какой, вот я какой, вот я какой, какой я, я, я" - кричат, щебечут, шепчут, надрываются, намекают, подразумевают...

Вот какой я хороший - тем, что не боюсь сказать, какой я хороший. Вот какой я высоконравственный - тем, что признаю, какой я плохой. Вот как я прав признанием неправоты. Вот как умен - признанием глупости. Я хорош! Я велик! Я всепервый достоин жизни и размножения!.. Дайте, дайте же мне пососать вашей вкусенькой кровушкипохвалы, дайте еще разочек вколоть героинчик вашего восхищения...

Уж давно просек, что это, окромя действия сексуально-рыночного инстинкта, дарвиновского этого самого полового отбора, - еще и социумная зомбированность: оценочно-самооценочная установка, ярмо оценки, оценочная задолбанность, оценочная удушенность с первых сраных пеленок.

Истины без границ взыскупя, раздалбываюсь, раззомбливаюсь...Заклинаю себя деннонощно: не хочу нравиться, не хочу удивлять, не хочу восхищать, не хочу злить и тревожить завистью, не хочу производить своею персоной совсем никаких эффектов... Самооценка, пошла на три буквы!..

Хаха, как же. Хотел быть лучше других, плюнул и захотел быть лучше себя?.. Истины без границ взыскупя, откроешь рот - и уже перед кемто оправдываешься; пискнешь разок другой, и уже убеждаешь когото в своем богоподобии... И получается, мать честная!..

По причине, указанной выше...

Четыре утра. Примерно в это время меня поднимает боль.

Делаю мышлемассаж, встаю, завариваю чай или кофе, чтонибудь принимаю или не принимаю, делаю гимнастику или мышлегимнастику, или не делаю - и сажусь за стол. (Тоже можно мысленно.)

Мой Неведомый, здравствуй. Трагикомедия не в том, что я мудрый доктор, не могу себя вылечить. "Врачу, исцелися сам", в смысле буквальном - предложение идиота. Кто же это такой догадливый?.. Кто обязал доктора быть бессмертным и совершенным?.. Богу в таком случае тоже есть от чего полечиться.

А в чем же трагикомедия? В том, что у меня есть право на вранье, которым я пользуюсь.

Меньше, чем мог бы, но пользуюсь.

Первый документ в досье новоприбывшего на тот свет Имярека - отчетец, томов на двести - сколько, где, когда, почему, зачем и с какими последствиями было вранья в промелькнувшей имярековой жизни.

Приложение - правда об этой жизни. Не просто правда, конечно, не пошленькая правдёнка, как говорят актеры, а Правда Истинная, как народ говорит, настоящая правда. Листик другой.

Комитрагедия в том, что и при самых истовых посюсторонних усилиях сказать, записать, выразить, запечатлеть эту вот самую правду - не получается.

Все равно вранье, вранье и вранье...Мумифицированное вранье, так сказать, нетленка. К примеру вот: «Мысль изреченная есть ложь». Держу пари, что поэт не заметил собственного логического парадокса. Если мысль изреченная - ложь, то в том числе и вот эта, она ведь изречена?.. В таком случае изреченная мысль не есть ложь!..Но изречена эта мысль при посредстве лжи, путем лжи...

Запела первая птица. Вотвот засветает... Внезапно стало понятно, почему я люблю тебя, мой Неведомый, почему люблю... Я мог бы об этом сказать, словом владею, но не скажу. По причине, указанной Выше.

Как же светло стало, когда дошло, наконец, до тупой души моей, что говорю с Тобой и пишу Тебе, прежде всех Тебе.

Зачем нужно было, чтобы я Тебя так долго не узнавал? Путался по сторонам...

Тут замешан Третий, подслушивающий, создатель помех, в котором Ты, очевидно, не на шутку заинтересован. Собственно, и весь разговор ради этого Третьего?.. Некий спектакль, понимаю - но ведь не только, скажи, не только?..

Знаю, страдаешь вместе со мной: знаю, главное страдание Твое - невозможность сделать меня Тебе равным. Мое главное страдание, как Ты понимаешь, встречное...

Двуполушарность жизни

Уже свыкся не просто с сознанием смертности, но с истинным положением самосознающего существа - положением умирающего. Да, знаю, помню... Вот только живу преступно несоответственно.

Нужно отказываться от гораздо большего, чем казалось...

Желания, обещания, поцелуи мира, умирающего во мне, крылья снов... К чертовой матери Ваш больной мир и его вонючие потроха. А - пошло оно... А - погуляй вволю, выразись - и пропади все пропадом! - вот что поет Желание и пришептывает, и лепечет, что это долг, долг божественный!..

Легче, приятней, наркозней уходить будет тот, нектопоследующий, кто вдохнет аромат твоих наслаждений, запечатленный в строках, звуках, красках и линиях, райской памятью помня, что ты был на вершине... Чего же боле?.. Без Моцарта - разве я жил бы?.. Был Моцарт, есть Моцарт - и умереть можно... Запечатлеть стон наслаждения, изрыгнуть фонтан жгучей крови, а там будь что будет!..

Но долг иной. Но страдание - тьма, в которую должен вбросить карту спасения, предупредить... Знаю, вижу... Тьма одиноких путников. Им не до поцелуечиков, им дорогу, ночлег и опять дорогу...

Особенности национальной безопасности

Действительный случай, сам видел и проследил... Дело было в конце восьмидесятых годов.

В экскурсионном бюро в самом центре Москвы, возле Кузнецкого - зашел, вижу: посреди большого офисного зала стоит строительная стремянка, вся покореженная, полусломанная. В потолок упираясь - стоит. На стремянке записка: "Просьба лестницу не убирать, может обвалиться потолок".

Кругом толчется народ. Люди ходят тудасюда, толкают стремянку, ушибаются о нее. Некоторые останавливаются, тупо читают надпись. Вверх не смотрят. Отходят. Подходят...

Через пару недель захожу и узнаю, что потолок этот грохнулся наконец. Стремянку кто-то упер. По счастью, произошло это в нерабочее время, не пострадал никто.

Слушайте... Не убирайте меня, пожалуйста: я стремянка, поддерживающая ваш потолок, ей же Богу!..